

Мемуаризмы или заметки о поездках за рубеж

Владимир Ядов

Хорошо известно, что советские власти окружили страны социалистического лагеря железным занавесом. Занавес — мягко сказано, это информационный заслон радио-телепередач. В дополнение соорудили бетонную стену, за которую граждан с серпастым и молоткастым паспортом пропускали после тщательной проверки компетентными органами и издевательской процедуры прохождения так называемой выездной комиссии при райкомах партии. В комиссиях этих старые большевики и большевички пытались допустить к итоговому испытанию каверзными вопросами, например о датах исторических событий на территории предполагаемого посещения как-то дне рождения тамошнего вождя и подобных.

Болгария

Первый выезд из страны победившего социализма мог быть разрешен только и только в страну социалистического лагеря, притом не в любую. О Венгрии говорили, что это самый веселый барак в нашем лагере, а Болгарии прилепилось такое определение: "Курица не птица, Болгария — не граница".

Нам с моей Люкой повезло выехать в молодежный лагерь на болгарском берегу Черного моря "Златы пясци". Мы поженились на втором курсе и оба были комсомольскими активистами, дважды отправлялись на студенческие стройки сельских гидростанций, каковые уже, спустя 5-6 лет не понадобились, поскольку колхозы в Ленинградской области подключали к высоковольтным линиям. Летом 1951 г. (стройки тогда не было, а на уборку чахлого урожая еще не отправляли) поездом мы прибыли в Одессу, а оттуда — предстояло идти на судне в болгарский порт. В прославленной столице юмора, дабы скоротать пару часов до отплытия, отправились в кино. Шел какой-то криминальный фильм. Кассирша:

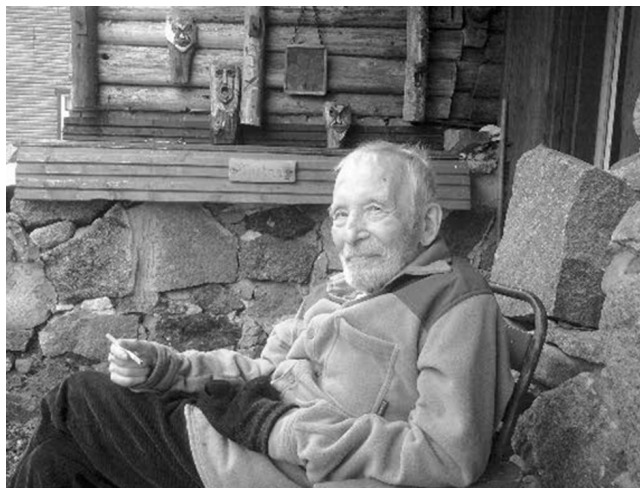
- Какой ряд предпочитаете, подешевле или получше?
- Получше.
- Хотите повысить квалификацию?

Радуясь веселому началу путешествия, мы вошли в совершенно пустой зал. Отдохнули от жары в относительной прохладе и, подхватив сумки с купальными принадлежностями, поехали в порт трамваем.

Не буду затягивать повествование. Перейдем к наиболее ярким воспоминаниям о заграничье. Первое — наш советский рубль по весу и диаметру оказался точной копией болгарского лева. Отчеканенный в Монетном дворе на территории Петропавловской крепости, он заполнял пляжные автоматы прохладительных напитков и мороженого. Лев был заметно дороже отечественного рублика. Представьте, как огорчились ребята, у которых в кармане один-два рубля завалились.

Другое сильное впечатление — студенты из ГДР. Девчонки и парни бегали в туалетные кабинки на пляже, продолжая во время соответствующего занятия переговариваться меж собой. Но более яркое, что запомнилось, это поведение немцев в столовой. Они не просто громко разговаривали, но выкрикивали нечто под дружный гогот и норовили петь. Нам все это надоело. Всегдашний выскочка я поднялся из-за стола и командовал: "Руихь!" (этим "Тихо!" училка немецкого утихомиривала 26 мальчишек восьмого "б" 213-й школы Дзержинского р-на). Германцы немедля заглохли и далее вели себя тихо.

Двоем мы зашли в магазин купить мёд. Молоденькая продавщица говорит, что мёда в продаже нет. Я пальцем показываю на разной формы и объема банки, бочоночки с мёдом. Она: Ах, мЕд! Просим, просим.

Прибыл автобус из колхоза, которому надлежало помочь в уборке помидоров. Помидорами занимались пару часов, а затем разноязыкая компания студентов была приглашена к обильному под тентом столу на поляне. Меж вкусностями красовались пузатые бутылки с винами. Мы обнимались с немецкими ребятами и пытались им подпевать. Русскую "Катюшу" знали решительно все.

Позже я бывал в Болгарии регулярно. Там перевели мой учебник, выступал с лекциями и проводил групповые занятия. Подружились с Живко Ошавковым — умнейшим болгарским перво-социологом, и многими другими.

С Болгарией связан интересный случай. Минатомэнерго создало выездную комиссию для проверки состояния научно-технического сотрудничества при эксплуатации атомных электростанций. В состав комиссии включили не только инженеров, но и гуманитариев. Мы беседовали со специалистами на атомных станциях в Венгрии, Чехословакии, Финляндии и Болгарии. Прибыли на АЭС "Пакш". Всем предложено надеть пластиковые белые шлемы с эмблемой станции, на шее у нас ленточка со счетчиком Гейгера, он же и пропуск к реактору. Встречаюсь с венгерским инженером на его рабочем месте. Он хвалит своего советского коллегу, но замечает: к сожалению, Петров часто просит задержаться на работе. Говорит, что надо проверить все ли в порядке оставили нам сменщики. Я в который раз ему напоминаю, что инструкция требует от них того же, что и от нас — тщательно проверить все приборы и датчики. Говорю: Николай, если так и дальше пойдет, моя жена решит, будто я завел подружку на стороне.

Беседую с Николаем. Он столь же высоко отзывается о венгерском коллеге и жалуется на его недостаточную ответственность. В своем отчете по станции "Пакш" я указываю на необходимость ознакомления командированных в страну с особенностями ее культуры.

АЭС "Козлодуй" — Болгария. Белые шлемы, датчики, экскурсия к реактору. Прихожу в просторное помещение пульта управления. Все надписи на болгарском и русском. Дежурные дружно отмечают единственную проблему: одно и то же слово в болгарском и русском имеет разные значения. Мы пользуемся русским, но бывает, замечает болгарский инженер, что я перехожу на болгарский. И, что особенно дурно, путаница случается в самый ответственный момент! Наш инженер подает реплику: ты же знаешь, что, я уже освоил болгарский по нашему делу, зачем проверяющему говорить об этом? И все же я написал

о необходимости жесткого экзамена на знание болгарской профессиональной терминологии командиремых в эту славянскую страну.

В Польше АЭС не было, только недавно решено по итогам референдума допустить атомную энергетику, подписан польско-российский контракт. Эту историю рассказываю впрок для сведения Росатома. История такая.

Поезд в Прагу долго стоит в Варшаве. Я решил навестить друга, домашний телефон которого был записан на карточке, а карточка хранилась в библиотечном каталожном ящичке с разделителем "Польша". Рой Медведев научил меня такого рода способу хранения нужной информации, включая названия прочитанных и еще не прочитанных книг. В карточке с названием книги (например, Л-8 — Ленин, философские тетради — было также помечено: Л-8 (1-12). Это означало, что в другом ящичке на карточке — Л-8 (11) есть выписка, такая, скажем: "на полях Науки логики Гегеля В.Л. пишет "Чушь!". Сегодня у Роя на чердаке загородного дома натянута струна, к которым подвешены крючками и карабинчиками наподобие креплений, что используют верхолазы, папки с нужными материалами. Там же и в комнатах нижнего этажа (в библиотеке и кабинете) есть пишущие машинки, одну из которых я отвез ему за ненадобностью. Рой же компьютером не пользуется (думаю, чтобы избежать соблазна отвлекающего от работы).

Итак, выхожу из вагона к телефонному автомату (монетки сохранил от предыдущей поездки) и набираю номер Владимира Веселовского. Женский голос: "Пан на помывке, пше прашам". Пше прашам — прошу извинить, на помывке значит в ванной. Звоню, спустя минут 15: "Пан на помывке". В третий раз "на помывке" сопровождается фразой, смысл которой вполне ясен, дескать прошу больше не звонить. При встрече с Веселовским в свой очередной приезд к польским коллегам я пошутил насчет его любви нежится в ванной до полудня.

— Так "на помывке", друг мой, это значит в отъезде. Я, наверное, был в Кракове, веду там курс: два часа быстрым поездом.

— По-нашему, смылся из дома?

В самый раз рассказать о первом визите в Польшу.

Польша

Было это приблизительно в середине 50-х, когда я после восстановления в партии вернулся в аспирантуру, но вынужден был дать согласие на избрание Первым секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ¹. Секретарь ЦК Комсомола по пропаганде Ю.В. Торсуев включил меня в делегацию для поездки в Польшу, где буйствовали студенты. Нам надлежало: а) ознакомиться с ситуацией и доложить в подробностях; б) по возможности провести разъяснительную работу.

При первом визите в Университет я восхитился приветствием, которым студенты обменивались на входе в здание. Они выбрасывали поднятый кулак и произносили: "Чешчь, коллега/коллежанка! Не "привет" и не целование в щечку, как где-нибудь в Гарварде (а сегодня и в московской Вышке), но именно Чেষть, Достоинство, корпоративное братство. (Пытаюсь ввести это приветствие на своем факультете, пока не вполне успешно). Звездок (союз) студентов польских был главной организацией, а польский Комсомол (КМП) в ВУЗах влачил жалкое существование. Мы посещали студенческие театрики обычно в подвальных помещениях. Из Брехта ребята сделали прямую антисоветчину. Матушка Кураж проституировала в походе, имея на юбке, которую солдаты заворачивали ей на пышную грудь, оранжевый серп и молот. Разъяснительную работу проводить

мы не решались: могли и побить.

Отправились в карпатский городок Закопане, по пути зашли в музейный домик, где одно время проживал Ленин. Сделали запись в книге посетителей, каковая запись оказалась второй за тот год, первая была на чешском языке. В Закопане экскурсовод и его дочь пригласили нас на танцы. Я сказал, что болит голова и лучше побуду в своем номере. Чичероне в ответ: моя Агнешка так тебя разогреет, что о голове вообще забудешь.

В последующие годы я многократно бывал в Польше ради обучения мастерству в новой профессии, о чем уже рассказывал². Здесь остановилось на несерьезном. Так, внучка Соня просила меня перед очередной поездкой зарубеж купить ей красного слоника. Идем с коллегой на Старо място в магазинчик игрушек. Красного слоника нет, покупаю оранжевый. Вручаю внучке, и та говорит: "Деда, какой ты глупый. Я же просила бежемотика!".

Ханна Хмелевска пригласила в гости. Едем в такси, и она останавливает машину. Спрашиваю: приехали? Еще нет, ты же купишь даме цветы? Кстати о дамах. Все мы знаем польский тост "За пьеньких дам по першей!". Я решил блеснуть знанием языка и произнес: "За пьеньких дам по другой!". Был жуткий конфуз, ибо за дам всегда "по первой", никогда по второй. С польскими дамами я не раз попадал впросак. В купе поезда входит красавица с погонами таможенной службы. На обычный вопрос, не везу ли что из недозволенного, я, болван, ответил, что оружия нет, а немножко марихуаны прихватил. Дама велела вытряхнуть все из чемодана. Она произнесла: "Шутковать с таможеней паньствовавшей не можно!". После чего оставила меня под смех соседей засовывать в чемодан мягкое белье и грязные носки.

Впервые в капстране

Наш ректор Александр Данилович Александров, который активно "пробивал" создание социологической лаборатории и покровительствовал мне, включил меня и философа Юру Асеева в первую группу студентов "по обмену" с английскими студентами. Я, как и Асеев, был уже не postgrad, но Dr, то бишь, к.ф.н. Видимо, Британскому совету аргументировали нашу стажировку отсутствием социологического образования в Союзе. О том, как меня вербовал КГБ, я рассказывал Борису Докторову³. Здесь вкратце. Некий Николай Григорьевич, назвавшийся коллегой, предложил встретиться в Таврическом саду у бюста юного Ленина. В саду этом (Тавриге) в пяти минутах от нашего дома я провел безоблачное довоенное детство. Мы с ребятами разбегались парочками кто куда, чтобы выяснить, где наиболее интересно: открыта ли лодочная станция, большая ли очередь у чертова колеса и главное — разведать обстановку у тира с духовыми ружьями, слово "пневматический" в нашем лексиконе отсутствовало. В назначенное время разведгруппы собирались для обмена информацией у "Вовочки", т.е. на площадке с упомянутым бюстом.

Идя на конспиративную встречу с Н.Г., я пытался представить какое задание предстоит выполнить в интересах Отечества. Вскрытие сейфа в морском ведомстве отбросил сразу и остановился на фотографировании военного объекта. Увы, Н.Г. сказал, что задание передаст другой Николай Григорьевич по приезду в Москву. Московский Н.Г. телефонным звонком в гостиницу предложил встретиться у ресторана "Берлин". Сказал, что инструкции получу у Н.Г. — сотрудника нашего культурного атташе в Лондоне. Лондонский Н.Г. пригласил в свою комнату и за чашкой чая объяснил: вам следует подружиться со сту-

¹ Это предложение В.Ядову было сделано в ту пору секретарем Ленинградского Обкома ВЛКСМ по идеологии Б.Фирсовым. (Комментарий Б. Докторов).

² Владимир Александрович Ядов. Интервью для проекта "Польский миф". Записано 16 декабря 2006 года в Москве, дома у В.Ядова. Записала Татьяна Косинова (Архив Б. Докторов).

³ В.А. Ядов: "...Надо по возможности влиять на движение социальных планет... (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №4. С. 2-3.

дентом, который в будущем может стать влиятельной фигурой в политике или бизнесе. Пустяшное это задание я с блеском выполнил, о чем тоже подробно рассказал в упомянутом интервью Борису.

Перехожу к собственно британским впечатлениям. Первое — невероятное везение у автомата с обменом шиллингов на три пенсовика. Приняв шиллинг, автомат начал безостановочно изрыгать "трапенсы", покуда не опустел!!! Увы, ни этот, ни другие обменные машины больше подарками не баловали.

Неделю мы, exchange students from Russia упорно занимались разговорным английским и заучивали формулы вежливости. Итоговый экзамен предлагал одно из заданий (тянули билетик), связанных с обиденной ситуацией, требующей общения с незнакомыми людьми. Мне выпало отправиться на железнодорожный вокзал "Чарринг кросс" и детально узнать о поездке не помню куда. Следовало расспросить имеется ли в поезде буфет, надо ли платить за чай и т.д. Зачет сдал и отправился в университет Манчестера.

Там меня поселили на первом этаже в отдельной комнате одного из общежитий. После 12 ночи двери запирались. Вместо двери подвыпившие ребята регулярно пользовались моим окном, долго лепеча "формулы вежливости". Ежедневно рано утром развозчик выставлял у входа бутылки молока с именем получателя. Реклама "Пинта молока каждое утро" преследовала повсюду. В холодильнике молоко почему-то долго оставалось свежим. Захотелось простоквашки, и я оставил свою бутылку на крышке холодильника. На следующее утро слышу из коридора: Владимир, твоё молоко провоняло все этажи! Оказывается, консервант скисать не позволяет, враз переводит содержимое из свежего в затхлое.

В нашем общежитии был парень, который всем досадил. Однажды, когда парень уехал на викенд, ребята забили его комнату газетами до самого потолка и долго наблюдали, как бедолага расчищает жилое пространство от воскресных "толстущек" и спортивных приложений к "Таймс" и "Гардиан".

В аэропорту у меня украли (или потерял?) фотоаппарат. Н.Г. посоветовал обратиться в полицию. Чуть ли ни до отъезда домой я получал письма, извещавшие, что поиски продолжаются.

Под новый год я получил открытку (посольской почтой, ездил в Лондон), в которой Люка сообщила о посылке, каковую доставит старпом судна "Петродворец". Упредил других наших стажеров о поездке в Ливерпуль (автобусом полтора часа). Посольство — сказал я — не известил, но если не вернусь к вечеру, сообщите туда. Ливерпульский порт — это километры причалов и разных сооружений. Спрашиваю бичей, покуривающих в безделье, где может быть русское судно. Не знают. Не меньше часа выпрашиваю попадающихся портовиков. Советуют обратиться к полицейскому. Потеряв терпение, решил махнуть патрульной машине. — Рушен шип? Садись, покажем. Документы не спросили, довольствовались объяснением, что я обменный студент из Манчестера (шарф университета специально выпустил на плащ). Привозят в свой "участок", находят на карте советский флажок с названием судна и любезно доставляют к трапу. Здесь по-нашенски: дежурный матрос вертит мое временное английское удостоверение, всматривается в физиономию и... не пропускает. Прошу доложить начальству. Другой матрос вводит меня в капитанскую каюту. Объясняя, что старпом привез мне новогодние подарки от семьи. Капитан вызывает старпома, материт его за нарушение правил, но посылку мы вскрываем, и капитан приглашает выпить и перекусить флотскими яствами. Разговариваем довольно долго. Слушай — говорит — купи мне пару-другую болоний (плащи из синтетики). Я хитрю, дескать рад бы, но посольство разрешило 5 часов на поездку. — Ладно. Тяпнем на посошок, и я тебя не видел. Понял? Содержимое посылки засунул в сумку, сигареты — по карманам, что-то под ремень, прикрыв плащом. Контролер на выходе усмехнулся, не остановил.

В Манчестере моим научным руководителем определили

проф. Рональда Франкенберга, культурантрополога и члена английской компартии. Он таскал своих студентов в рабочие трущобы, а меня к тому же возил на пикники партячейки. С немалыми трудностями после первого триместра удалось добиться перевода в Лондонскую школу экономики и политических наук к проф. Хильде Химмельвайт, известному социо-психологу. В LSE читался курс по методологии полевых исследований, Хильда вела семинар, ее ассистент — практикун.

Длительное пребывание в столице Великой Британии требовало от советских стажеров железной воли, ибо надлежало избегать многообразных соблазнов и не слишком отвлекаться от выполнения главной задачи, т.е. обретения профессиональных знаний. Я установил себе правило обретать знания с 8.30 утра (после завтрака) до 8.30 вечера. В графике занятий у меня числилась всего лишь одна лекция по методологии исследования и один семинар Хильды. Занятия нашей группы из 5 человек с Химмельвайт были исключительно интересны. Она никого не приглашала высказываться, но каждый стремился что называется не ударить лицом в грязь. К этим "классам" я готовился исключительно тщательно, выискивал неназванные источники и демонстрировал знания из собственного опыта (проект "Человек и его работа" был завершен, коллеги работали над своими разделами публикации). Комплекс LSE, включая великолепную библиотеку, располагался в 15 минутах пешком от общежития, недалеко от драматического театра Олдвич. Главная проблема — это невозможность курить в читальном зале. Я все же нашел решение. Выносил пачку книг, засунув их под ремень и, набросив спасительный плащ болонью, к 8 вечера возвращал в библиотеку. Слава Всевышнему, электронный контроль еще не придумали.

Кстати о Боге. Из занятий по истории КПСС я запомнил, что Владимир Ильич посещал храм для освоения английского языка. Убедился, что ленинский метод работает отлично. Священник отлично поставленным голосом читает псалом №..., прихожане повторяют за ним, держа перед собой Книгу. (Одну я прихватил домой на память). По воскресеньям я исправно посещал храм и даже познакомился с пастором. Сказал: как социолог хочу вжиться в культуру англичан. И помимо того, выходя на улицу, я слушал Би Би Си с помощью карманного приемника — плеера, каковые нынче дело обычное, а в середине минувшего века — чудо техники.

Да, вспомнил, что однажды на посольском приеме по случаю годовщины Октября ко мне подошел Сева Новгородцев. Он и ныне ведет свою музыкальную программу этой станции на русском. Сева пригласил зайти к ним на башню, что возвышалась недалеко от Британского музея. Я вежливо отказался, ссылаясь на необходимость не терять ни минуты драгоценного времени.

Драгоценное время заканчивалось в 8.30 P.M. В районе Рассел сквер размещалось множество университетских общежитий. Компаний обменных студентов мы обычно ездили на метро в какой-нибудь дешевенький кинотеатр, заранее изучив репертуар фильмов, сошедших с первого экрана в шикарных залах Вестенда. Только что вышел "Из России с любовью", Джеймс Бонд улыбался с афиш. Выждав пару недель, мы заплатили за билет 6 пенсов вместо двух шиллингов и не в лучшем ряду. До самого отъезда, когда на вопрос из какой страны мы приехали, неизменно следовало: A-a-a from Russia with love!

Самой собой немисливо было бы не заглянуть в Сохо — гнездо буржуазного разврата. Туда отправлялись в одиночку. Днем район представляет собой грязноватый продуктовый рынок. К вечеру машинами, напоминающими комбайн, мусор убирают. Зажигаются рекламы заведений "Только для членов клуба" с зазывалами: "Come on love" (именно "лув" на кокни, не "лав"). Порно кинотеатрики и стрип-клубы, проститутки... Клубная карточка позволяет посещать заведение многократно за полцены. Многократно я не ходил, но, признаюсь, ознакомился с несколькими клубами. Одни и те же стриптизерши демон-

стрируют себя в разных клубах. В свой пятый-шестой (последний) ознакомительный визит я поддался уговору шуплой девицы, которая приглашала выпить рюмочку в баре. Несколько сэкономленных на обедах шиллингов (завтрак и ужин входил в оплаченное проживание, обедал обычно я копеечными бананами). В баре официант стремглав принес два заказанных мной бокала вина. Я представился болгаринном и начал "интервьюировать" девицу. Вот что узнал. Она из деревни, хочет подработать, придется, вернуться домой и выйти замуж. Зазывале платят мало, но у нее есть комнатка (пишет адрес), и она берет столько-то, совсем недорого. Пока мы сидим не более получаса, девица торопливо опустошает свой бокал, а официант без промедления подает два новых, не смотря на то, что мой почти не тронут. Я мысленно считаю шиллинги. Баста! Не хватает еще знакомства с полицией. Выходим, я к Рассел скверу, она — за следующей жертвой надувательства.

Лет 10 тому назад мне привелось быть в Лондоне, прогулялся по Оксфорд стрит до площади Пикадилли. На парапете у фонтана множество парней и девушек, почти все цветные. Присел на скамеечку на входе в "трубу", как здесь называют метро, рядом с мужчиной лет шестидесяти, длинноногий чисто выбритый в ковбойской шляпе — типичный янки. Тот оборачивается и говорит: слушай, это что, это Лондон? Это Чикаго!

США

После стажировки в Туманном Альбионе я стал выездным, правда, с некоторыми на год-два перерывами, о чем говорить здесь не буду⁴. В начале 90-х, Мелвин Кон, будучи президентом Американской социологической ассоциации, пригласил группу советских социологов на трехдневный семинар и последующее ознакомление с рядом университетов страны. Оживленные дискуссии мы вели в холле студенческого общежития университета Джона Хопкинса (штат Мэриленд), там нас распределили по комнатам. Я сказал, что делегация была советской, кроме россиян в ней были Владимир Паниотто и его тезка Хмелько из Украины. Визиты в университеты распределили жеребьевкой, по двое в один штат. Нам со Шкаратаном выпал Michigan state university, т.е. МГУ — мичиганский госуниверситет, недалеко от Чикаго дорогой вдоль Великого озера. Отлично пообедав, мы постились с гостеприимными хозяевами и отбыли в чикагский аэропорт. Вылет откладывался до следующего дня, автобус привез нас в гостиницу, где был выдан ключ "семейного" номера. Время к вечеру, вполне можно было отправиться на метро в город. И тут Овсей и заявил, что спать со мной в одной кровати не согласен. Никакие уговоры не помогли, и пришлось обратиться к портю. Была обещана вторая кровать "для ребенка".

В метро мы совершили оплошность: вошли в вагон с черными. Мы знали, что сегрегация цветных ушла в прошлое. Оказалось, что в жизни это не так. Пассажиры смотрели на двух белых явно недоброжелательно. На ближайшей станции пересели в другой вагон. На выходе из метро увидели Макдональдс и решили перекусить. Обсуждаем куда отправиться дальше и решаем: в район, где протекает ночная жизнь этого мегаполиса. Я кую Беломор. Со второго этажа, откуда слышна музыка, спускается парень, пялится на мою папиросу и просит затяжку. Взял одну беломорину из предложенной пачки и в ожидании кайфа, нахально попросил вторую для своей девушки. Папиросу я ему дал, и мы быстренько сбежали. Поскольку Американская ассоциация выдала нам изрядную сумму на карманные расходы, мы остановили такси, и я назвал маршрут:

night live center. Таксист высадил нас у входа в Blow bar, т.е. заведения для голубых. Бар мы, естественно, игнорировали и решили просто побродить по кварталу. Поскольку район походил на лондонское Сохо, я взял на себя функции чичероне. Несколько монеток потратили на автомат порновидео, который постоянно прерывал показ, так что я отказался от очередного фрагмента шоу, а мой друг неофит пожадничал, и мы не надолго продолжили прогулку, увертываясь от пристающих оборванцев и проституток.

В номере отеля нас ожидало то же супружеское ложе. Пришлось спуститься в холл и повторить просьбу. Мальчик (boy) за сорок лет доставил в номер... больничную каталку. Овсей забрался на нее, и удовлетворенно заснул. Наше путешествие позволило также решить задачку: кто из двух соседей всхрапывал по ночам за моей стеной в университетском общежитии: Шкаратан или Левада? Подозрение на Шкаратана отпало.

Вена

Самолетом прибыл на конференцию ЕАЭСП (Евроассоциация экспериментальной социальной психологии) и ожидаю встречающего из нашего посольства, как указал парень из компетентных органов в Москве. Никого. Денег ни гроша, так что беру такси до посольства, полагая, что займу там до получения местной валюты в отеле, где послезавтра участники конференции размещаются. Долго жду, пока выйдет дежурный. Выходит молодой парень, представляется сотрудником атташе по культуре (очередной Николай Григорьевич) и выругивает москвичей: не сообщили о рейсе. Объясняю свою ситуацию, парень оплачивает такси. Затем дает мне займы жалкие шиллинги и поселяет в комнате для дипкурьеров. Картинка такая: стол заставлен газетой, на столе — селедочная чешуя, постели не убраны с ветхим бельем, тотальная грязь. Переночевал, не раздеваясь (ботинки все же снял) и утром отправился осматривать столицу вальсов. Двинулся по главной широкой кольцевой магистрали — Ринг. У памятника советским воинам застыл караул, свежие цветы. По Дунаю плывут самые разнообразные суда, баржи и прогулочные суденышки. Теплая погода. Все великолепно, если бы не пустота в карманах. На трамвайный билет все же есть. Еду до шикарного отеля Хилтон, куда следует прибыть через день. В своем посольском логове подкрепился прихваченными из дома консервами, банку бросил на пол, чтобы не нарушить дизайн жилища. Наконец, знакомым трамвайным маршрутом подъезжаю к Хилтону. На фоне прибывающих в авто, тащу свой чемодан, уклонившись от услужливого портю, и в рецепции ... получаю пластиковую карточку на оплату всех возможных расходов без ограничения! Здесь самое время рассказать, как вернул долг моему кредитору. Карточка не позволяла взять из банкомата наличные, а в оплате услуг не ограничивала. Я отдал в стирку белье, на ночь — в химчистку костюм, а в глажку — сорочки. Все получил как новенькое в аккуратной упаковке. Был ошеломлен, как и те соотечественники, которых рассказывал о поездке. Итак, вернемся к прерванному о моем работодателе. Я пригласил его в шикарный ресторан, накормил и напоил плюс заказал всяческой снеди на вынос (У вас великолепная кухня — это официанту). Парень долго благодарил и лично проводил в аэропорт, сделав на прощанье ручкой.

Теперь о конференции. О самой конференции не буду — все как обычно, необычное так сказать по периферии. Идем в Венскую оперу. Леон Фестингер, великий психолог, бежавший в США из Австрии после аншлюса, обращается к нам с такими словами: коллеги, предлагаю заглянуть в зал и пойти в bear clin-

⁴ Здесь В.А. Ядов вспоминает эпизод из работы над Проектом "Человек и его работа", изложенный им в интервью 2004-2005 годов. "В 1964-м я вернулся домой после стажировки в Англии и, пользуясь доверием КГБ (ясно, что в Англии "выполнял их задание"), отправился на конференцию в Вену. Подходит некий красавец вроде Джеймса Бонда, на заседаниях слова не произнес, и говорит: "Я привез пакет от профессора Херцберга", - и передает рулон табуляграмм". В.А. Ядов: "...Надо по возможности влиять на движение социальных планет..." (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 5. (Комментарий Б.Д.)

ис (т.е. пивную клинику). Вы что, давно не слушали Травиату и вам нравится дышать пылью старого занавеса и кресел партера? Долго убеждать нас не пришлось.

Второе достойное быть упомянутым событие. В конференции участвовал некий психолог по легкому запоминающейся фамилии Маршал. Во время кофе-брейк статный собой и с хорошей выправкой этот джентльмен, каковой ни слова не прооронил в заседании, обращается ко мне и говорит, что проф. Херцберг из Western reserve university просил передать несколько рулонов табуляграмм с данными нашего совместного исследования. Поясню: Фредерик Херцберг провел по нашей методике общенациональный опрос молодых рабочих об их отношении к своей работе⁵. Вручает перед отъездом рулон. Дело в том, что Херцберг присылал нам не сырые данные, но уже обработанные статистики, а нужны были именно сырые, т.к. мы обильно использовали различные индексированные признаки. Табуляграммы — царский подарок! У вагона московского экспресса меня встречают Люка и знакомый гэбист. Говорит, что привезенное нелегально надлежит немедленно отдать. Договорились, что отдам завтра утром, поскольку возиться с чемоданом сейчас не ко времени. Всю ночь мы аврально переписывали данные, закончить все же не успели. Вопрос: кто стукнул в Москву? Подозреваю болгарского коллегу, прости его Господи.

Испания

В 1990 г. в Мадриде состоялся 12-й Международный социологический конгресс. Испания славится своей фауной и неповторимой архитектурой городов. Мадрид — это музей Прадо, захоронение в долине чуть ли не в центре города по одну сторону — республиканцев, по другую — мятежников с могилой каудилио между ними.

Наше пребывание началось с неприятности. Будучи руководителем советской группы участников конгресса, я оплошал: не рассчитал расходы на проживание. Пришлось спешно переселяться в более дешевый отель. Таксист остановился у подъезда, я вышел, чтобы вынуть чемодан из багажника, а этот малый рванул с места и исчез. Номер машины я запомнить не успел. В чемодане осталась и одежда и, главное, все бумаги. Сертификат на командировочные расходы нашей группы был все же припрятан в паспорте. Игорь Кон предложил мне изрядную сумму, сказал, что неожиданно получил деньги как организатор своей сессии, в дополнение к московским командировочным. Все устроилось.

Перед открытием конгресса был устроен прием на лужайке: барбекю и напитки. Люди знакомились, прогуливаясь по лужайке. Я заметил Маргарет Арчер, уходящего Президента

МСА, в одиночку растянувшуюся на травке. Она слыла лихой наездницей, и недавно подвернула ногу. Поскольку номинативный комитет включил Ядова в список для избрания в состав исполкома, Маргарет предложила присесть рядом и сходу стала говорить о том, что испанцы присвоили часть денег МСА, выделенных на этот конгресс, и что новому Исполкому следует в этом разобраться. Получается, что история с таксистом симптоматична.

На этом конгрессе меня избрали вице-президентом с обязанностями курировать финансы и прием новых членов Ассоциации. В финансах я разбирался как кот в апельсинах. Но Секретарь МСА Изабелла Барлинская успокоила: — Тебе, Владимир, надо будет лишь подписывать заключение финансовой комиссии, там опытные коллеги. С принятием новых членов пришлось заниматься всерьез. Драматичным для меня лично была рекомендация Исполкому о принятии заявки социологической ассоциации Сербии. В начале 90-х Югославия распалась, распалась и единая ассоциация СФРЮ. Но МСА создана под эгидой ООН, которая приняла резолюцию, осуждающую Сербию за преследование и убийства хорватов. Сербия обратилась ко мне как к товарищу за поддержкой. В Москву приехала целая делегация во главе с Данило Марковичем. Сербия заручилась поддержкой Зины Голенковой, мужем которой был сербский коммунист, учившийся в Москве, а по возвращении на родину, отправленный в титовский концлагерь на острове Брионии. Бежал и в море его подобрал какое-то судно, возможно болгарское. С болью в сердце я объяснял им, что при всем желании не могу помочь. На заседании Исполкома МСА я был вынужден предложить отказать Сербской ассоциации в приеме. Однако было записано в протокол дополнение. В нем говорилось, что Исполком приветствует (настаивал на этой формуле против формулы "не возражает") участие сербских социологов в работе исследовательских комитетов МСА, включая избрание на руководящие должности в ИК в качестве индивидуальных членов ассоциации.

Стоит упомянуть о следующем Всемирном конгрессе в 1994 в Билефельде. Наши участники оформили визы, срок действия которой истекал за два дня до закрытия конгресса. Поэтому я как официальный представитель оргкомитета несколько раз мотался в полицию, и в конце-концов добился положительного решения у мэра города. На этом конгрессе мне выпало баллотироваться в президенты МСА. Не хватило одного голоса. Кого? Эстонцев. Марю Лауристинь и Петер Виинхалем опоздали на заседание, пили пиво. Конечно, для престижа России президентство было бы неплохо, лично для меня — совсем не кстати, дома дел невпроворот.

⁵ Там же, стр.